

ние и негу» (Ibid. P. 262). Чувственно воспринимаемая красота и доставляемое ею наслаждение занимают в эстетике гуманистов достаточно прочное место. {422}

Историков по-прежнему волнует красота городов и храмов. Никифор Григора сообщает в своей «Истории», что император Михаил Палеолог сразу же после освобождения Константинополя от латинян принял решение в первую очередь вернуть городу прежнюю красоту, превратить его оставшееся после захватчиков безобразие ($\alpha;\text{'}\kappa\omicron\sigma\mu\acute{\iota}\alpha$) в благообразие ($\epsilon\upsilon;\text{'}\kappa\omicron\sigma\mu\acute{\iota}\alpha$) — восстановить сожженные и разрушенные храмы и дворцы, наполнить опустевшие дома жителями (Greg. IV. 2. P. 88).

Авторы византийских романов и сочинители стихов и песен продолжают восхищаться красотой юности, девичьей красотой. Не добавляя практически ничего нового к установившемуся уже в эстетике эротизма XI—XII вв. канону этой красоты, поздневизантийские писатели не устают воспевать ее. В романе о Каллимахе и Хрисоррое автор описывает не красоту героини, но душевно-эмоциональную реакцию на нее Каллимаха. Читательское восприятие при этом обостряется необычностью сцены первой встречи героев романа. Хрисорроя подвешена драконом за волосы под потолком зала, а Каллимах увидел ее, войдя в помещение, и окаменел от изумления:

*Остолбенел и тотчас же он замер, словно камень.
Смотрел лишь на нее одну, стоял и все смотрел он.
Как будто и она была на потолке картины.
Всю душу красотой своей могла она похитить:
Умолкнувший немел язык, и замирало сердце.
Налюбоваться он не мог чудесной этой девой,
На красоту ее смотря и женственную прелесть.
Стоял, смотрел, не говоря, души в груди не чуя,
Стоял, смотрел, и сердце в нем двояко поражалось —
Очарованьем красоты и чувством состраданья.*

(Памятники. IX—XIV. С. 390—391)

В «Родосских песнях любви» возлюбленная предстает голубкой «с походкой горделивой», златокудрой и нежной ромашкой, с шеей белоснежного мрамора, с пурпурными губами, с глазами «синее, чем сапфиры», и т. п. Вся она — пленительный объект эротических мечтаний пылающего страстью юноши.

В более сдержанных тонах изображается женская красота историками того времени. Так, Никифор Григора описывает красоту Евдокии, предмета страстной любви деспота Константина: «Женщина эта была как никто другой прелестна лицом, умна в беседе, нежна нравом, так что не только видя ее люди непременно уловлялись в сети любви, но даже по рассказам воспламенялись к ней страстью. Природа щедро одарила ее: всему ее облику придавала стройность, наградила острым умом, сделала речь ее серьезной и убедительной, изящной и приятной для слуха. Не чужда была она и светской учености...» (Greg. VIII. 3). Из этого описания мы почти ничего не узнаем о конкретных чертах прекрасной женщины, так как поздние византийцы, видимо, уже хорошо сознают тщетность описания каких-либо конкретных характеристик красоты, даже видимой. Для византийского гуманиста красота женщины складывается из многих составляющих, среди них видное место занимают утонченная внешняя красота, добрый нрав, острый ум, изысканная речь, воспитанность и образованность.

Из подобного же сочетания идеализированных характеристик внешнего {423} облика и внутреннего мира складывается у Никифора и образ идеального правителя. По его словам, Андроник II Палеолог имел красивую внешность, был высок, привлекателен и грозен одновременно. Многие добрые свойства соединились в нем в некое общее благо, пронизывающее его «подобно тому, как солнечный луч пронизывает воздух или как сладость составляет неотъемлемое качество меда. В нем неподдельная кротость соединялась с очаровательной любезностью и составляла постоянное его отличие. Природа не поскупилась наделить его лицо веселостью, глаза — ясностью, речь — благозвучием и чистотой. Вообще в приятности, соединенной в нем с важностью, было что-то особенно привлекательное, что-то неземное» (Ibid. X. 1. P. 472—473).

Особой возвышенностью и риторским эстетизмом наполняется речь Григоры, когда он произносит (или только сочиняет) надгробное слово Метохиту — коллеге-полигистру, объединявшему в одном лице ученого, ритора, поэта, философа, т. е. настоящему «храму муз». «О поэзия, о красноречие, о добродетели и вся ученость, как скоро с вами произошло то же, что бывает с полевыми лилиями, которые быстро достигают своей величины и красоты, но еще